

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как два сердца нарушили покой неба и земли, и о том, как трудно одному совершенствоваться и достичь подлинного покоя

Итак, наш Сунь У-кун и Ша-сэн распрощались с бодисатвой и на двух благовещах лучах покинули Южное море. Облако Сунь У-куна мчалось быстрее, чем облако, на котором летел Ша-сэн, и Сунь У-кун решил лететь первым. Однако Ша-сэн удержал его:

— Дорогой брат мой! — сказал он. — Не торопись первым прилететь, ведь все равно, как говорится, голову спрячешь, а хвост останется торчать. Давай-ка лучше лететь вместе.

У Великого Мудреца никаких злых намерений не было, но Ша-сэн заподозрил его в хитрости. Итак, они вдвоем взобрались на одно облако и полетели вместе. Вскоре их взорам представилась гора Цветов и плодов. Прижав вниз край облака, путники стали пристально ее разглядывать и действительно увидели двойника Сунь У-куна, который, важно восседаая на каменном постаменте, пил вино и забавлялся с толпой окружавших его обезьян. Отличить его от настоящего Сунь У-куна не было никакой возможности: рыжий, с золотыми обручами на голове и огненными глазами. Одет он был, как и Сунь У-кун, в холщовый халат, туго затянутый тигровой шкурой, на ногах башмаки из кожи козули. В руках посох. Такое же заросшее волосами лицо и рот как у бога Грома, голые, в отличие от духа звезды Земли, щеки, торчащие уши, широкий лоб, выступающие наружу клыки.

Как увидел наш Сунь У-кун своего двойника, так сразу же пришел в неопишемую ярость, оттолкнул Ша-сэна и, крепко сжимая свой железный посох, ринулся вниз, отчаянно ругаясь.

— Ты что за оборотень такой? И как осмелился принять мой облик, одурачить моих сынов и внуков, завладеть моей священной пещерой, да еще напустить на себя вид повелителя?

Поддельный Сунь У-кун надменно выслушал настоящего, взял свой посох и пошел навстречу. И вот оба Сунь У-куна, как две капли воды похожие друг на друга, вступили в бой. Они сражались не на жизнь, а на смерть.

Два посоха с лязгом сшибаются,

Два посоха в битву кидаются

За монаха из царства Танов.

Два оборотня сражаются,

Друг друга осилить стараются

Две схожие обезьяны.

В уменье и хитрости равные,

Бьются за звание славное
Защитника мужа святого.
Одна из них — Будде привержена,
И этим от зла обезврежена.
От ереси древней и новой,
Вторая — обманщица ловкая,
Своей колдовскою сноровкою
Введет в заблуждение любого.
Одна своим знанием Истины
И мудростью вправе гордиться.
Другая же — злобой неистовой
Да силой волшебной кичится.
Вперед Сунь У-кун бросается,
Как птица, посох взвивается,
Сверкая насечкой червонной.
И точно таким же посохом
Противник обороняется,
В борьбе и боях искушенный.
Так, равно неукротимые,
Могучие, неустомимые,
Сражаясь, не ведая роздыха,
Враги поднялись над пещерою,
Чтоб битву свою беспримерную
Закончить, как коршуны, в воздухе.

Оба они вскочили на облако и, продолжая ожесточенно биться, подпрыгивали все выше, пока не попали на девятое небо. Ша-сэн, находившийся тут же, боялся пустить в ход свое оружие, так как в этом бою трудно было распознать кто свой, кто чужой. Он хотел было вытащить из-за пазухи нож и пойти на подмогу, но не решился из опасения ранить настоящего Сунь У-куна.

Долго он выжидал, но, наконец, не вытерпел, потянулся, спрыгнул прямо на вершину утеса и пустил в ход свое чудодейственное оружие, разящее всех бесов и оборотней. Он устремился ко входу в пещеру Водного занавеса. Все обезьяны в страхе разбежались. Ша-сэн перевернул каменные столы, а всю посуду, в которой были вина и разные яства, перебил вдребезги. Он все обшарил, чтобы найти узлы в черной кошме, но нигде их не было. Ведь пещера Водного занавеса, как известно читателю, была скрыта от глаз огромным водопадом, издали действительно напоминающим белый занавес. Это был непрерывный каскад воды, вот почему пещера и получила такое название.

Ша-сэн не знал, как пройти в пещеру, и заблудился. Вспрыгнув на подвернувшееся облако, он помчался обратно на девятое небо, непрерывно размахивая своим волшебным посохом. Однако он не решался пустить его в ход. Тогда Великий Мудрец, настоящий Сунь У-кун, крикнул ему:

— Если ты не можешь помочь мне, отправляйся обратно к нашему наставнику и доложи ему все, что произошло, а я приведу этого оборотня к бодисатве, которая живет на горе Лоцешань, пусть разберется, кто из нас настоящий Сунь У-кун.

Второй Сунь У-кун повторил точь-в-точь такую же просьбу.

Ша-сэн, видя, что оба Сунь У-куна ничем не отличаются друг от друга и даже голос у них одинаковый, решил, что ему не отличить, как говорится, черное от белого, и, вняв просьбе обоих, повернул облако и пустился в обратный путь. Он явился к Танскому монаху Сюань-цзану и передал ему все, но об этом пока рассказывать мы не будем.

Между тем оба Сунь У-куна — поддельный и настоящий — продолжали драться и, наконец, достигли горы Лоцешань в Южном море. Нанося друг другу удары и ругаясь, они подняли такой шум, что встревожили хранителей бодисатвы, которые немедленно скрылись в пещере. Рокот морского прибоя и обратились к Гуаньинь.

— О бодисатва! — молвили они. — Два Сунь У-куна появились у пещеры и дерутся!

Бодисатва Гуаньинь сошла со своего трона, вместе с Мучей, отроком Шаньцай и девой-драконом вышла из ворот и крикнула:

— Куда это вас несет, негодяи вы этакие?

Услышав голос бодисатвы, противники все же не отпускали друг друга, и один из них заговорил:

— О бодисатва! Этот негодяй, принявший мой облик, вступил со мной в драку у пещеры Водного занавеса. Мы долго сражаемся, но ни один из нас не может одолеть другого. Ша-сэн не сумел разобраться, кто из нас настоящий Сунь У-кун, и поэтому не смог оказать мне помощи. Тогда я велел ему возвратиться к нашему наставнику, который идет на Запад, и доложить о случившемся. И вот, не переставая драться с этим негодяем, я достиг твоей

священной обители. Прошу тебя, бодисатва, взгляни на нас своим мудрым и проницательным оком и рассуди, кто из нас настоящий Сунь У-кун.

Не успел один Сунь У-кун закончить свою просьбу, как другой повторил ее слово в слово. Духи—хранители бодисатвы и сама она долго и внимательно разглядывали обоих Сунь У-кунов, но никак не могли установить, кто из них настоящий. Наконец бодисатва молвила:

— Оставьте друг друга в покое и станьте по обе стороны от меня! Я еще раз посмотрю на вас как следует.

Противники повиновались и встали по обе стороны бодисатвы. Один из них заявил:

— Я настоящий Сунь У-кун.

Но другой тут же закричал:

— Врет, он поддельный!

Тут бодисатва подозвала Мучу и отрока Шаньцай и вполголоса дала им наказ:

— Станьте рядом с ними. Сейчас я прочту про себя заклинание о сжати облуча. Тот, которому станет невоготу от боли, будет настоящий Сунь У-кун.

Бодисатва стала про себя читать заклинание, и служители внимательно следили за обоими Сунь У-кунами. И — о чудо! — при первых же словах, тайно произнесенных бодисатвой, оба Сунь У-куна в один голос вскрикнули от боли, обхватили голову руками и стали кататься по земле, умоляя: «О, не читай заклинания, перестань читать!».

Бодисатва перестала читать, тогда противники снова сцепились и принялись кричать и драться.

Бодисатва не знала, что придумать и как поступить. Она велела своим духам-хранителям и Муче разнять Сунь У-кунов, но те не знали, как подступить, чтобы не поранить настоящего Сунь У-куна.

Тогда бодисатва громко позвала:

— Сунь У-кун!

Оба разом отозвались.

— Вот что,— сказала Гуаньинь,— помнишь тот год, когда тебя по должности величали бимавэнь и ты учинил буйство в небесных чертогах? Ведь все духи-полководцы с того времени хорошо знают тебя. Поднимись в высшие небесные сферы и попроси, чтобы там разобрались, а затем вернешься сюда и доложишь мне!

Настоящий Сунь У-кун стал благодарить за мудрое и милостивое решение, то же самое сделал и второй.

И вот оба Сунь У-куна, хватая друг друга и непрерывно изрыгая друг на друга потоки брани, направились прямо к Южным небесным воротам, где всполошили четырех великих полководцев небесного войска Широкоокого небесного князя, которых, как вы помните, звали Ма, Чжао, Вэнь и Гуань, и всю их свиту из старших и младших духов. Все они схватились за оружие и преградили дорогу пришельцам с грозными словами:

— Стойте! Куда идете? Здесь не место для драки!

Тут Великий Мудрец стал им объяснять.

— Я верой и правдой охранял Танского монаха Сюань-цзана в его путешествии на Запад за священными книгами. В пути мы встретили разбойников, я перебил их, за что Танский монах и прогнал меня. Оскорбленный, я направился на гору Путошань, обитель бодисатвы Гуаньинь, пожаловаться на несправедливость. Не думал я, что этот оборотень в мое отсутствие примет мой облик, явится к Танскому монаху, изобьет его и украдет у него всю нашу поклажу. Ша-сэнь отправился за поклажей на гору Цветов и плодов и там увидел этого разбойника-оборотня, который завладел моей пещерой. Тогда Ша-сэнь отправился на гору Лоцешань жаловаться бодисатве Гуаньинь, и там увидел меня. Тут он стал врать, будто я обогнал его на облаке и первым явился к бодисатве с целью скрыть свои преступления. Но бодисатва прозорлива, она не поверила Ша-сэню и велела мне вместе с ним отправиться на гору Цветов и плодов и посмотреть, что там происходит. Оказалось, что этот оборотень в самом деле принял мой облик. Я вступил с ним в бой, и так, сражаясь, мы добрались от пещеры Водного занавеса до горы Лоцешань, где и предстали перед бодисатвой. Но и бодисатва не смогла распознать, кто из нас настоящий Сунь У-кун. Вот она и послала нас сюда, чтобы ты потрудился распознать, кто из нас настоящий, а кто поддельный!

Не успел он закончить свою речь, как второй Сунь У-кун повторил ее всю от начала до конца, слово в слово.

Небесные духи долго глядели на обоих Сунь У-кунов, и тоже никак не могли найти разницы между ними. Тогда оба Сунь У-куна в один голос рявкнули:

— Раз не можете разобраться, кто из нас настоящий Сунь У-кун, мы явимся к Нефритовому императору, и пусть он нас рассудит!

Духи не стали их задерживать и пропустили через небесные ворота, откуда они прямым путем достигли драгоценного дворца Чудодейственного неба. Четыре небесных наставника: Чжан, Гэ,

Сюй и Цю во главе с полководцем Ма отправились с докладом к самому императору.

— О владыка! В низших сферах,— начали они,— объявилось два Сунь У-куна, похожих друг на друга как две капли воды. Они подрались и вот явились сюда, чтобы повидать тебя. Не успели они закончить свой доклад, как оба Сунь У-куна с шумом ворвались в дворцовые покои и так встревожили Нефритового императора, что ему пришлось подняться со своего трона.

— Вы по какому делу пожаловали?— спросил он.— И как осмелились шуметь и ломиться в небесный дворец? Смерти своей ищете, что ли?

Великий Мудрец стал оправдываться:

— О ваше императорское величество, многие вам лета, многие вам лета! Я, ваш покорный слуга, вступил на путь Истины и стал последователем Будды, так что теперь ни за что не осмелюсь кривить душой и обманывать высших. Я решился предстать перед вами лишь потому, что... — И тут он опять рассказал все, что с ним приключилось, о чем вам, читатель, уже известно. — Умоляю вас, ваше императорское величество, рассудите, кто же из нас двоих настоящий Сунь У-кун! — так закончил он свою просьбу.

Второй Сунь У-кун повторил то же самое в тех же самых выражениях.

Нефритовый император немедленно отдал приказ, повелевающий небесному князю Вайсраване: «Явиться с волшебным зеркалом, отражающим только оборотней, и с помощью этого зеркала определить, кто из этих двоих смутьянов является настоящим Сунь У-куном, и чтобы поддельный сгинул, а настоящий остался в живых!».

Небесный князь явился и установил волшебное зеркало, а затем попросил Нефритового императора и всех окружающих его небесных духов глядеть в него. В зеркале отразились оба Сунь У-куна; их посохи с золотыми обручами и одежда были совершенно одинаковы. Нефритовый император был озадачен и поспешно выгнал их из тронного зала.

Настоящий Сунь У-кун презрительно рассмеялся. Другой немедленно последовал его примеру, а затем оба снова вцепились друг в друга и выскочили за небесные ворота, кубарем полетев вниз. Они очутились на дороге, которая вела на Запад.

— Идем к наставнику! Идем к наставнику! — кричали они друг другу.

Тем временем Ша-сэн, расставшись с обоими Сунь У-кунами на горе Цветов и плодов, странствовал еще трое суток. Наконец он вернулся к Танскому монаху и рассказал все как было.

— Зря я погорячился,— печалился Сюань-цзан,— но откуда мог я знать, что побил меня палкой и отнял узел не настоящий Сунь У-кун, а какой-то оборотень, принявший его облик?

Ша-сэн продолжал свой рассказ:

— Кроме того, этот оборотень одного духа превратил в старца, похожего на вас, уважаемый наставник, другого — в белого коня, а третьего — в точную копию Чжу Ба-цзе и тоже с коромыслом и нашими узлами, а еще одного превратил в меня. Я не смог удержаться от гнева и одним ударом своего посоха убил моего двойника. Оказалось, что это была обезьяна-оборотень. После этого я бежал, отправился к бодисатве Гуаньинь и пожаловался ей. Бодисатва велела мне вместе с Сунь У-куном вернуться на гору Цветов и плодов, посмотреть, что там происходит. Оказалось, что этот оборотень как две капли воды похож на Сунь У-куна, ну, никак не отличишь. Так что мне трудно было помочь нашему Сунь У-куну. Вот почему я решил вернуться к вам и доложить о случившемся.

Танский монах, услышав все это, пришел в отчаяние и даже в лице изменился. А Чжу Ба-цзе, громко расхохотавшись, сказал:

— Вот видите! Сбылись слова жены нашего благодетеля. Ведь она говорила: сколько вас ходит за священными книгами? Вот и оказалось, что еще один появился!

Тут все жители усадьбы от мала до велика, собрались вокруг Ша-сэна и стали его расспрашивать:

— Где это ты пропадал все эти дни? Ходил за подаванием или собирал деньги на дорогу?

Ша-сэн с улыбкой отвечал им:

— Я ходил искать Сунь У-куна — старшего ученика нашего наставника на гору Цветов и плодов, что на острове Дуншэнчжоу, чтобы взять у него наши узлы и поклажу. Затем я был еще на горе Путошань в Южном море и виделся с бодисатвой Гуаньинь, потом мне снова пришлось побывать на горе Цветов и плодов, и вот оттуда я пришел сейчас!

Тогда хозяин снова спросил:

— Как долг путь туда и обратно?

Ша-сэн, не задумываясь, отвечал:

— Более двухсот тысяч ли!

— Батюшки мои,— изумился старец,— неужели за эти несколько дней ты смог совершить столь далекий путь? Разве только на облаке, а иначе никак невозможно!

Тут вмешался в разговор Чжу Ба-цзе:

— А как же иначе можно переправиться через море?

— Да разве я быстро хожу? Вот старший ученик моего наставника — тот другое дело,— скромно заметил Ша-сэн.— На такой путь он потратил бы всего день или два.

Все окружающие пришли в полное замешательство и решили, что имеют дело с праведниками-небожителями.

— Мы сами хоть и не праведники-небожители,— сказал Чжу Ба-цзе,— но старше их по возрасту.

Как раз в этот момент откуда-то с неба послышался шум и крики, вспугнувшие всех присутствующих, которые гурьбой бросились из помещения взглянуть, что случилось. Тут они увидели двоих Сунь У-кунов, которые приближались к ним, продолжая драку.

При виде этого зрелища у Чжу Ба-цзе зачесались руки, и он крикнул:

— Стойте! Сейчас я узнаю кто из вас настоящий Сунь У-кун!

И Чжу Ба-цзе, стремглав вытянувшись, подпрыгнул высоко вверх и закричал:

— Братья! Перестаньте шуметь. Я здесь!

Те разом крикнули ему в ответ:

— Браток! Ну-ка, наподдай этому дьяволу—оборотню! Бей его!

Напуганные и вместе с тем обрадованные хозяева стали переговариваться между собой.

— Оказывается, в нашем доме остановились сами архаты, умеющие летать на облаках! Ведь никому еще, даже тем, кто по обету кормит монахов, никогда не доводилось принимать таких хороших людей!

После этого они перестали считать расходы на пропитание путников и давали им всего вдоволь.

— Как бы эти Сунь У-куны не натворили здесь беды!

Танский монах заметил, что хозяин, несмотря на кажущееся радушие, чем-то обеспокоен, и, улучив удобный момент, обратился к нему с такими словами:

— Почтенный благодетель мой! Успокойтесь и не грустите. Не надо тревожиться. Я сейчас угомоню своих учеников, устраню зло и после этого отблагодарю вас за гостеприимство.

Хозяин стал с жаром оправдываться:

— Что вы, помилуйте! Да разве посмел бы я таиться от вас!

Тут в разговор вмешался Ша-сэн:

— Благодетель вы наш! Не надо так говорить! А вы, наставник, сядьте вот здесь, сейчас мы с братом Чжу Ба-цзе живо приведем сюда обоих Сунь У-кунов и поставим перед вами. Вы прочтете свое заклинание. А мы посмотрим, на кого из них оно подействует. Кому станет больно, тот, значит, и есть настоящий Сунь У-кун, а кто будет спокойно стоять, — тот, значит, поддельный.

Танский монах согласился.

— Вот это правильно!— сказал он.

Тогда Ша-сэн взвился ввысь и стал кричать:

— Остановитесь, остановитесь! Я отведу вас к наставнику, пусть он рассудит, кто из вас настоящий.

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун остановился, его двойник сделал то же самое. Ша-сэн крепко схватил одного из них и позвал:

— Брат Чжу Ба-цзе! Возьми-ка другого!

Чжу Ба-цзе схватил второго Сунь У-куна, и они все спустились на облаках прямо у входа в усадьбу. Увидев их, Танский монах начал читать свое заклинание. Оба Сунь У-куна разом вскрикнули от боли и взмолились:

— Мы и так наколотили друг друга, а ты еще шлешь на нас свои заклинания. Зачем ты это делаешь? Перестань, умоляем тебя. Остановись!

Танский монах по природе своей был человеком сердобольным. Он сжалился и перестал читать, но зато так и не узнал, кто из них настоящий Сунь У-кун.

Противники снова принялись драться. Настоящий Сунь У-кун вдруг предложил:

— Братья! Побудьте с нашим почтенным наставником, чтобы защитить его в случае необходимости, а я загоню этого черта в преисподнюю и представлю самому властителю ада Янь-вану, пусть хоть он, наконец, рассудит нас!

Двойник Сунь У-куна повторил то же самое.

С этими словами оба Сунь У-куна, хватая и теребя друг друга, мигом исчезли из виду.

Чжу Ба-цзе с недовольным видом обратился к Ша-сэну.

— Как же это ты так сплеховал?— начал он.— Надо было притащить сюда того оборотня, которого ты видел в моем облике!

— Когда я пустил в ход волшебное оружие и убил своего двойника, тот дьявол полез было на меня, чтобы схватить. Но мне удалось бежать, спасая свою жизнь. Затем, когда по повелению бодисатвы я снова прибыл на гору Цветов и плодов уже вместе с Сунь У-куном, то Сунь У-кун сразу же вступил в драку со своим двойником. Пока они дрались в воздухе, я перевернул все столы, разогнал всех бесов и увидел перед собой водопад. Я заблудился и никак не мог отыскать вход в пещеру, чтобы найти нашу поклажу, поэтому и вернулся к наставнику с пустыми руками.

Чжу Ба-цзе не унимался:

— Эх, ничего ты не понимаешь. Ведь в позапрошлом году, когда я ходил к Сунь У-куну приглашать его, то сперва встретился с ним за воротами пещеры; потом мне удалось его уговорить, и он соскочил вниз, чтобы попасть в свою пещеру и переодеться. Я видел, как он перепрыгнул через водопад. Ведь водяная завеса как раз и прикрывает вход в пещеру. Я уверен, что этот дьявол спрятал наши узлы именно там, в самой пещере.

— В таком случае,— сказал Сюань-цзан,— раз ты знаешь, где вход в пещеру, так воспользуйся тем, что оборотень здесь, проберись туда и добудь наши узлы. Тогда мы спокойно отправимся дальше на Запад. А когда Сунь У-кун заявится, я откажусь от него, он мне больше не нужен!

Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Ну, я пошел,— сказал он.

— Брат,— предостерег его Ша-сэн,— там перед пещерой снуют тысячи оборотней-обезьян. Боюсь, что одному тебе не легко будет справиться с ними. Как бы не вышло конфуза!

— Не бойся! Не бойся!—проговорил, смеясь, Чжу Ба-цзе, и, выскочив из ворот, поднялся на облако, которое помчало его прямо к горе Цветов и плодов.

Но о том, как он добывал узел с поклажей, мы пока рассказывать не станем.

Тем временем оба Сунь У-куна с шумом и криками домчались до горы Иньшань с северной ее стороны и напугали чуть не до смерти всех многочисленных ее обитателей — духов покойников, которые дрожа от страха попрятались кто куда. Те, что были попроворнее, вбежали в ворота, ведущие в управление царства Теней, и, явившись во дворец Сэнло, доложили:

— О великий князь! Над горой Теней появились двое Сунь У-кунов — Великих Мудрецов, равных небу, которые ведут бой.

Охранявший первый дворец князь Цинь-гуан перепугался и велел немедленно поднять на ноги хранителя второго дворца князя Чу-цзяна, третьего дворца — князя Сун-ди, четвертого дворца — князя Бянь-чэна, пятого дворца — князя Янь-ло, шестого дворца — князя Нин-дэна, седьмого дворца — князя Тай-шаня, восьмого дворца — князя Ду-ши, девятого дворца — князя У-гуаня и последнего десятого дворца — князя Чжуань-луня. Тревога передавалась из дворца во дворец, и вскоре все десять князей собрались в первом дворце и решили срочно послать гонца к владыке подземного царства Ди Цзан-вану. Они вызвали всю караульную стражу и устроили ей проверку, решив во что бы то ни стало изловить обоих Сунь У-кунов — настоящего и поддельного. В наступившей тишине было слышно, как завывал ветер. Зловещий туман стал сгущаться вокруг. Это оба Сунь У-куна, барахтаясь и кувыркаясь, с шумом приближались ко дворцу Сэнло.

Правитель царства Теней выступил вперед и преградил им путь.

— Великий Мудрец, как смеешь ты затевать драку в подземном царстве? — грозно спросил он.

Настоящий Сунь У-кун сразу же ответил:

— Я был приставлен охранять Танского монаха Сюань-цзана, который направляется на Запад за священными книгами. Наш путь пролегал через царство Силян. У одной горы на нас напала шайка разбойников и ограбила нашего наставника, Танского монаха. Я убил нескольких разбойников. Тогда наставник стал укорять меня и прогнал прочь от себя. Я тотчас же отправился с жалобой к бодисатве Гуаньинь, которая живет у Южного моря. Не знаю, откуда взялся этот оборотень и как ему удалось принять мой облик. Он напал на моего наставника, ударил его так, что тот свалился без чувств, и захватил всю нашу поклажу. Брат мой, Ша-сэн, тоже сопровождающий Танского монаха, направился тогда в мои владения на гору Цветов и плодов, чтобы вернуть унесенную поклажу. Там он нашел этого оборотня, который решил под именем нашего наставника направиться на Запад и получить все священные книги. Ша-сэн помчался к Южному морю, чтобы заручиться помощью бодисатвы. А я как раз находился там. Ша-сэн все рассказал как было, и бодисатва Гуаньинь велела ему вместе со мной отправиться на гору Цветов и плодов, посмотреть, что там происходит. Оказалось, что этот негодяй в самом деле завладел моей пещерой. Я вступил с ним в бой, и мы отправились на суд к бодисатве. Но мой двойник наружностью и даже голосом так удивительно походит на меня, что даже бодисатва не смогла различить, кто из нас истинный Сунь У-кун. Тогда я отправился с ним в небесные чертоги. Но ни один небесный дух не сумел различить нас. Наконец мы отправились

к наставнику. Он прочел заклинание о сжатию обруча, чтобы узнать правду. Но от заклинания нам обоим стало одинаково больно. Таким образом наставник тоже ничего не узнал. Вот почему мы пришли сюда в надежде, что ты, правитель царства Теней, прикажешь проверить по книге записей Жизни и Смерти, под каким именем в ней значится этот мнимый Сунь У-кун и откуда он родом, чтобы поскорей найти его блуждающую душу. Нельзя, чтобы два сердца нарушали покой на небе и на земле.

Все это слово в слово повторил второй Сунь У-кун.

Выслушав обоих, правитель царства Теней велел немедленно вызвать судью, ведающего книгой Жизни и Смерти и приказал ему просмотреть все записи по порядку. Однако в книге «Мнимого Сунь У-куна» не оказалось. Тогда стали просматривать книгу, в которой были записаны все звери. Там нашли под сто тридцатой статьей запись о том, что Великий Мудрец Сунь У-кун в юные годы, когда еще только учился жизни, учинил буйство в управлении царства Теней, но отметка, что он подлежит смерти, была зачеркнута. Далее перечислялось еще много других обезьян, но без названий и прозвищ. Когда все книги были просмотрены, судья доложил о результатах в зале судилища. Правитель царства Теней, держа в руках дощечки для записей, обратился к одному из Сунь У-кунов с такими словами:

— Великий Мудрец! В царстве вечной тьмы не оказалось никаких свидетельств, которыми можно было бы проверить имя и прозвище твоего двойника. Придется тебе вернуться в царство белого света и там добиться справедливости.

Не успел он закончить, как послышался голос владыки подземного царства.

— Погоди! Погоди! Я сейчас велю моему слухачу внимательно послушать и определить, кто из них настоящий.

Слухачом называлось животное, которое постоянно лежало под столиком с сутрами у владыки подземного царства. Стоило слухачу лечь на голую землю, как он сразу же определял, где среди гор и рек всех четырех материков, в разных общинах, в обителях бессмертных или в счастливых краях среди разных животных, ползающих, чешуйчатых, пушистых, пернатых и членистых, среди бессмертных праведников разных царств, неба, земли, духов, людей и покойников есть добрые и злые, умные и глупые. По приказанию повелителя подземного царства этого слухача привели во внутренний дворик, прилегающий ко дворцу Сэнло, и положили ничком на землю. Слухач мигом поднял голову и обратился к своему господину с такими словами:

— У оборотня есть имя, но я не смею раскрыть его. Поймать оборотня не в ваших силах.

— А что случится, если ты раскроешь его имя в его присутствии, — спросил владыка подземного царства.

— Боюсь, что он разозлится и учинит такое буйство в драгоценном зале, что весь дворец царства Теней надолго лишится покоя.

— А почему я не в силах поймать его? — продолжал допытываться владыка.

— Этот оборотень обладает огромной волшебной силой, не уступающей силе Сунь У-куна, — отвечал слухач. — Ни один из духов, обитающих в царстве вечной тьмы, не обладает такой магической силой, как он, вот почему мы не сможем изловить это существо.

— Каким же способом можно избавиться от этого оборотня и изгнать его? — снова спросил владыка подземного царства.

— Учение Будды беспредельно, — коротко отвечал слухач.

Владыка подземного царства догадался, что он имеет в виду, и обратился к обоим Сунь У-кунам с такими словами:

— Вы как две капли воды похожи друг на друга и обладаете одинаковой волшебной силой. Если желаете установить, кто из вас истинный Сунь У-кун, то вам следует отправиться туда, где находится Будда Татагата, в храм Раскатов грома.

Оба Сунь У-куна согласились и с возгласами: «Совершенно верно! Совершенно верно!» — устремились к выходу, говоря один другому: «Я пойду с тобой на Запад к престолу Будды, где нас быстро рассудят».

Хранители всех десяти дворцов царства Теней проводили их как подобает, поблагодарили владыку подземного царства за совет и вернулись во дворец Изумрудных облаков, приказав служителям крепко-накрепко запереть ворота пограничной заставы, ведущей в царство вечного мрака.

Пока оставим их там и продолжим наш рассказ.

Между тем оба Сунь У-куна, продолжая бой на облаке, долетели, наконец, до Западных земель.

Об этом сложены стихи, в которых говорится:

О двоедушие, источник горьких бед!

Тебе и небосвод внушает подозренье,

И вызывают странные сомненья

И цвет морской волны и солнца ясный свет!

О двоедушие, великих бед творец!

Начав свой путь в неискреннем смиренье,

Ты добиваешься богатства, поклоненья
И проникаешь в императорский дворец...
О двоедушие, тебе прощенья нет!
На юг и на восток ведешь ты наступленье,
На западе война, на севере брожение,
И нет конца борьбе и усмиренью,
И края нет походам и сраженьям,
О двоедушие, источник вечных бед!
Откроем же смятенные сердца,
Избавив их от зла,— благому созерцанью!
И возрастим в себе не горе и страданье,
А жизнь без тлена и блаженство без конца.

Итак, наши двойники продолжали драку, улетаая все дальше и дальше, и, наконец, с шумом долетели до храма Раскатов грома, который стоит на священной горе Линцзешань. Еще задолго до их прибытия четыре великих бодисатвы, восемь хранителей закона Будды, пятьсот святых подвижников-архатов, три тысячи Цзе-ди, вникших в суть учения Будды, множество монахинь-бикшунь и монахов-бикшу, близких приверженцев Будды, а также монахов упанов и монашек упасик собрались у возвышения, сделанного в виде исполинского цветка лотоса с семью драгоценностями, и с благоговением внимали поучениям Будды Татагаты, который в этот момент толковал вот о чем:

В небытии родившись — бытие
В свой вид первоначальный переходит,
Из жизни тлен, из тлена жизнь выходит,
Меняя лишь обличие свое.
Все будущее скрыто в пустоте,
Пустое — содержанием богато,
Невидимое — зримым чревато,
Грядущий свет таится в темноте.
Что пустота?— она лишь пустота,
Пустое невесомо и незримо,

И не вещественно, но это только мнимо.

В ней ширь и глубь, объем и высота!

Однако глубь и высь, объем и широта

Вовек от пустоты неотделимы:

Все то, что осязаемо и зримо,

По сути дела— та же пустота!

Но пустота — не пустота, поскольку

Хранит в себе и суть вещей и вид,

А все вещественное пустоту таит,

Не будучи вещественным нисколько.

Лишь тот, кто сказанное мной постичь сумеет,

Все тайны бытия уразумеет!

Толпа слушала, склонив головы и стараясь вникнуть в суть его слов. Когда все стали повторять вслух это поучение, Будда разбросал в толпу множество лепестков небесного цветка лотоса, после чего покинул свой трон, сказав при этом:

— У всех у вас одно сердце, но поглядите на тех, что приближаются к нам. У них два сердца.

Все устремили взоры вверх и, действительно, увидели в небе двух Сунь У-кунов, которые кричали так, что было слышно по всему небу и по всей земле. Не переставая драться, они подлетели к храму Раскатов грома. Восемь великанов — хранителей закона Будды, встревоженные их приближением, выступили вперед, чтобы преградить им путь.

— Куда направляетесь?— спросили они.

Настоящий Сунь У-кун, Великий Мудрец, отвечал первым:

— Этот дьявол-оборотень принял мой облик, возымев желание предстать перед драгоценным возвышением, на котором восседает Будда, чтобы потревожить его просьбой рассудить кто из нас настоящий Сунь У-кун.

Хранители Будды не смогли удержать его, и он с криком приблизился к возвышению, опустился на колени перед Буддой и начал молить его:

— Я, твой смиренный последователь, охранял Танского монаха Сюань-цзана, который должен

был прибыть сюда к твоей драгоценной горе и просить у тебя священные книги. В пути сколько мне довелось выловить разных дьяволов и злых духов мара, строивших козни и чинивших препятствия! А сколько было потрачено душевных и телесных сил! И вот, когда мы прошли уже половину пути, на нас напали разбойники. Нескольких из них я убил, других ранил. За это мой наставник, Танский монах, разгневался и прогнал меня прочь, не желая, чтоб я вместе с ним предстал перед тобой, великий Будда. Мне не оставалось ничего иного, как отправиться к Южному морю, к бодисатве Гуань-инь, и пожаловаться ей. Я никак не предполагал, что этот дьявол-оборотень сумеет принять мой облик и даже подражать моему голосу. После этого он явился к моему наставнику, Танскому монаху, ударил его так, что тот лишился чувств, отнял всю нашу поклажу и исчез. Брат мой в монашестве, по имени Ша-сэн, думая, что это был я, отправился искать меня в мои владения. А там этот негодяй стал молоть всякий вздор, утверждая, что есть истинный монах, который пойдет на Запад, чтобы получить твои священные книги. Тут встревоженный Ша-сэн помчался к Южному морю и рассказал обо всем бодисатве Гуаньинь. Узнав об этом, Гуаньинь велела мне вместе с Ша-сэном вновь отправиться к моей горе. Там мы вступили в бой и вот до сих пор никто не может определить, кто из нас истинный Сунь У-кун. Мы побывали у Южного моря, в небесных чертогах, у Танского монаха — моего наставника; побывали мы также и в царстве вечного мрака, но все напрасно. А теперь, набравшись мужества, мы осмелились обратиться к тебе с великой просьбой, которую готовы неустанно повторять. Прояви благодеяние, яви нам свою милость и скажи, кто же из нас настоящий Сунь У-кун, чтобы я мог охранять Танского монаха в его паломничестве на Запад за священными книгами, которые мы должны испросить у тебя и вернуться с ними в далекие восточные земли, где твое великое учение будет проповедоваться вечно.

Все, кто здесь был, слышали, как оба Сунь У-куна произносили всю эту речь совершенно одинаково, в один голос. Разумеется, они тоже были не в силах определить, кто из говоривших был истинным Сунь У-куном. Один только Будда Татагата знал об этом. Он собрался было сказать, кто из двоих истинный Сунь У-кун, как вдруг заметил, что на юге между облаками показалась бодисатва Гуаньинь.

Сложив ладони рук, наш великий Будда молвил:

— Высокочтимая Гуаньинь! Погляди на этих двух Сунь У-кунов и определи, кто из них настоящий.

— Еще позавчера, — отвечала Гуаньинь, — в моей далекой обители я пыталась это сделать, но безуспешно. После меня они отправились в небесные чертоги, затем в подземное царство, но и там никто не мог распознать истину. Поэтому я и явилась к тебе, о великий Будда Татагата, и хочу просить тебя, чтобы ты определил, кто из них истинный Сунь У-кун, а кто двойник.

Будда засмеялся и сказал:

— Все вы хоть и обладаете великой многообразной волшебной силой, однако можете лишь наблюдать происходящие в небесной сфере явления. Вы не знаете всех существ, обитающих там, и не можете постичь их разнообразие.

Гуаньинь стала просить Будду пояснить столь мудреную мысль.

Тогда Будда молвил:

— Во всей небесной сфере духи делятся на пять групп: духов неба, земли, небожителей, людей и умерших. Есть также пять видов зверей: панцирные, чешуйчатые, пушистые, крылатые и членистые. Перед нами же стоят два существа, которые не относятся ни к небу, ни к земле, ни к небожителям, ни к людям, ни к душам умерших. Они не являются также ни панцирными, ни чешуйчатыми, ни пушистыми, ни крылатыми, ни членистоногими. На свете есть еще четыре обезьяны, которые чинят беспорядок в мире, но они не входят в перечисленные выше десять разновидностей.

Тут Гуаньинь спросила:

— А что это за четыре обезьяны, осмелюсь спросить?

Будда отвечал:

— Первая называется: каменная обезьяна, обладающая волшебной прозорливостью. Эта обезьяна в совершенстве владеет способом превращения в любые другие существа. Она знает время, предопределенное небом, и блага, приносимые землей, и может перемещать на небе звезды; вторая обезьяна — это павиан, который обладает способностью управлять положительным и отрицательным началом, в совершенстве знает дела людей, ловко прячется и внезапно появляется, умеет избавлять от смерти и продлевать жизнь; третья — это горилла, у которой необыкновенно длинные руки. Она может достать ими солнце или луну, сжать тысячи гор. Она знает судьбу всех и не боится ни земли, ни неба. Четвертая обезьяна это шестиухая макака, у которой замечательный слух. Она способна вникать в суть вещей, знает последовательность событий и считается самой смысленной из всех живых тварей. Эти четыре обезьяны не входят в перечисленные мною десять разновидностей и не относятся ни к первой, ни ко второй группе. Так вот, двойник Сунь У-куна как раз и есть шестиухая обезьяна. Эта обезьяна знает о событиях, которые совершаются на расстоянии в тысячу ли. Она знает все, о чем говорят люди. Вот почему я и перечислил четыре ее достоинства. Утверждаю, что обезьяна, принявшая облик Сунь У-куна и подражающая его голосу, как раз и есть шестиухая макака!

Услышав это, двойник Сунь У-куна затрепетал от страха, подпрыгнул и кинулся вон.

Будда тотчас же отдал приказание всем своим приближенным действовать. В тот же миг, находившиеся здесь четыре бодисатвы, восемь хранителей, пятьсот святых подвижников-архатов, три тысячи Цзе-ди, вникших в суть учения Будды, монахи-бикшу и монахини-бикшуни, близкие приверженцы Будды — монахи упаны и монахини упасики, бодисатва Гуаньинь и Муча разом стали в круг, чтобы не дать обезьяне убежать. Великий Мудрец Сунь У-кун тоже хотел было податься вперед, но Будда остановил его:

— Не вмешивайся! Я изловлю его живым и отдам тебе.

Тем временем, дрожа от страха, несчастная макака сразу же сообразила, что спасения нет и

убежать не удастся. Тогда она встряхнулась и сразу же превратилась в пчелку, улетев ввысь. Но Будда метнул ей вдогонку свою золотую чашу для сбора подаяний, и беглец упал на землю, накрытый чашей. Присутствующие ничего не заметили, считая, что макака бежала. Но Будда усмехнулся:

— Перестаньте шуметь!— сказал он.— Оборотню не удалось бежать. Ищите его под моей чашей!

Все разом кинулись к чаше и приподняли ее. Там оказалась маленькая шестиухая обезьянка макака. Великий Мудрец не стерпел, размахнулся своим посохом и одним ударом размозжил ей голову. С той поры шестиухие обезьяны перестали существовать на свете.

Будда гневно крикнул:

— Хорош же ты, нечего сказать!

Сунь У-кун стал оправдываться:

— О великий Будда! Не жалею этого негодяя. Он не достоин твоей жалости. Ведь он осмелился поднять руку на моего наставника — Танского монаха и ранил его. Он утащил всю нашу поклажу. По мирским законам его бы судили как настоящего разбойника с большой дороги, который средь бела дня грабит прохожих. За подобные преступления его бы обезглавили.

Будда остановил его:

— Ступай живей к своему наставнику и продолжай охранять его, чтобы он мог благополучно прибыть сюда за священными книгами.

Великий Мудрец стукнул лбом о землю и с волнением произнес:

— Осмелюсь доложить, всевышний Будда, что наставник мой безусловно прогонит меня, тогда снова придется тебя беспокоить, не так ли? Сделай милость, прочти заклинание о снятии обруча, я отдам его тебе, Будда, а ты отпусти меня и позволь стать простым мирянином.

— Оставь свои сумасбродные мысли,— прервал его Будда, — и перестань неистовствовать. Я велю бодисатве Гуаньинь проводить тебя, и твой наставник тебя примет. Смотри только, служи ему верой и правдой. А когда он выполнит свой долг, его будет ожидать великая радость, да и тебе предоставят право восседать на троне, который похож на цветок лотоса!

Гуаньинь при этих словах сложила ладони рук и поблагодарила за мудрое указание. Она повела за собой Сунь У-куна; они вскочили на облако и умчались. За ними последовали Муча и белый попугай. Вскоре они прибыли в усадьбу. Первым их заметил Ша-сэн и побежал предупредить наставника, чтобы тот приготовился достойно встретить прибывших.

Гуаньинь обратилась к Танскому монаху с такими словами:

— Третьего дня на тебя осмелился поднять руку двойник Сунь У-куна, оказавшийся шестиухой макакой. К великому счастью, Будда, обладающий безграничной силой провидения, распознал его, а Сунь У-кун одним ударом его убил. Теперь тебе надо простить Сунь У-куна и оставить его при себе, так как по дороге будет еще много препятствий, чинимых злыми духами-мара. Сунь У-кун должен защищать тебя и устранять препятствия. Иначе ты никогда не достигнешь горы Линшань, не поклонись Будде и не получишь у него священные книги. Не сердись на Сунь У-куна и прости его!

Танский монах ударил об землю челом и проговорил:

— С почтением повинуюсь твоему велению и следую ему!

Как раз в тот момент, когда Танский монах отбивал земные поклоны, с востока налетел сильный порыв ветра и в воздухе появился Чжу Ба-цзе с двумя узлами. Увидев бодисатву, Дурень рухнул наземь и, совершив поклон, проговорил:

— Твой недостойный ученик и последователь третьего дня расстался с наставником, Танским монахом, и отправился на гору Цветов и плодов к пещере Водного занавеса, чтобы отыскать там наши узлы. На этой горе я действительно, увидел мнимого Танского монаха и своего двойника. Я их убил. Оказалось, что это были обезьяны. Я вошел, в пещеру и отыскал наши узлы. Все оказалось в целости. Затем, воспользовавшись сильным порывом ветра, я примчался сюда. Куда делись оба Сунь У-куна и что с ними случилось, мне неизвестно.

Тогда Гуаньинь рассказала ему об всем, что произошло, и Чжу Ба-цзе, ликуя и радуясь, принялся благодарить. Наставник и его ученики еще раз поклонились бодисатве, которая распрощалась с ними и, довольная тем, что все уладилось, вернулась к себе на Южное море. Все обиды забылись, и гнев прошел. Затем наши путники распрощались с хозяевами усадьбы, гостеприимно приютившими их, привели в порядок всю свою поклажу, оседлали коня, вышли на дорогу и отправились на Запад.

Пришлось расстаться им на полпути,

Расстроился стихий великий лад.

Теперь же оборотень ими побежден,

И снова можно вместе им идти,

Коль встали вновь стихии в прежний ряд.

Покуда в сердце дух еще не водворен,

Возможно ль утвердиться в созерцанье?

Коль властны над тобой вместилища познания,

Возможно ли бессмертье обрести?

Удалось ли Танскому монаху достичь своей цели, когда он получил возможность лицезреть Будду и просить у него священные книги, обо всем этом, читатель, вы узнаете из последующих глав.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288135>